

«Домашний арест» Звезды закончился на третий день.

Всё благодаря Олегу.

Тот самый мужчина с двумя отсутствующими пальцами появился на пороге её каморки ранним утром, в руке у него висела шахтёрская лампа. Свет вырезал на шраме над его бровью причудливый узор из света и тени.

— Наташа сказала, тебе можно «размяться», — голос у него был хриплый, словно наждак тёрся о камень. — Но только в пределах базы. И ещё... — он запнулся, взглянув на бейсбольную битку у пояса Звезды. — Хилл будет с тобой.

Звезда проследила за его взглядом.

Хилл стояла на повороте коридора. Короткие синие волосы в свете шахтёрской лампы казались сгустком сжатой ночной тьмы. Коса ещё не была вынута из ножен, но узор бабочки на рукояти то проявлялся, то исчезал в тенях — словно предзнаменование, готовое в любой момент расправить крылья.

— Сопровождение или слежка? — спросила Звезда.

— А есть разница? — уголок губ Олега дёрнулся, почти складываясь в улыбку. По сравнению с оценивающим взглядом, которым он наградил её три дня назад, в этой улыбке появилась какая-то невыразимая теплота.

Звезда не стала уточнять.

Она пошла за Олегом по лабиринту базы. Звук шагов Хилл держался сзади на фиксированном расстоянии — не близко и не далеко, ровно настолько, чтобы быть слышным, чтобы ощущаться.

Бейсбольная бита на поясе слегка нагревалась. Пульсация Ледяного Кристалла резонировала с окружающей средой подземелья, словно сердце, привыкающее к новой воде.

— Секретный туннель, — Олег остановился перед, казалось бы, обычной каменной стеной, положил ладонь на один из выступающих валунов. — Ведёт к заброшенным шахтам Верхнего района. «Дикий Огонь» использует его для... наблюдения.

Камень издал глухой скрежет, стена ушла внутрь, обнажив узкую щель.

Оттуда пробивался свет — не свет подземных светящихся мхов, а какой-то более яркий, с металлическим отливом холод.

— Только смотреть, — сказал Олег. — Не проходить, не попадаться. Как Сереброгривые Стражи Верхнего района относятся к «подземным крысам»...

Он не договорил. Пальцем с отсутствующими фалангами постучал по шахтёрской лампе, и та издала глухой звон.

Звезда кивнула, боком протиснулась в щель.

Туннель оказался длиннее и извилистее, чем она предполагала.

Стены постепенно сменялись с грубого камня на аккуратно отёсанный кирпич, воздух — с влажного минерального запаха на сухую, отдающую запахом дезинфектора прохладу.

Хилл бесшумно двигалась позади неё. Синее пятно в темноте походило на волочащуюся шёлковую ленту, изредка касаясь плеча Звезды, принося с собой лишь лёгкий холодок.

— Часто сюда ходишь? — тихо спросила Звезда.

— ...Не часто.

— Но туннель знаешь хорошо.

Хилл не ответила.

Её синее пятно на мгновение колыхнулось в воздухе, словно потревоженная гладь воды, и тут же успокоилось.

В конце туннеля оказалась вентиляционная решётка.

Звезда легла на пол, заглянула в щель —

Верхний район.

Совсем не похоже на грубость подземелья. Это было пространство, искусно спроектированное, с какой-то подавленной элегантностью. Белые здания, серые своды и повсюду — похожие на следящие глаза камеры.

По улицам шли люди, одетые в униформу более высокого качества, шаги ровные, словно

заранее отрепетированный танец.

И тут Звезда увидела её.

Девушка с серебряными волосами стояла на углу улицы, её сопровождали — или, точнее, конвоировали — двое стражников в униформе. Её осанка была прямой, как меч, насильно вставленный в ножны. Каждая линия её тела говорила: «Не разрешено сгибаться».

Серебристо-белые длинные волосы были заплетены в сложную косу, ниспадающую до пояса, кончик закреплён синей лентой — этот синий цвет пугающе напоминал короткие волосы Хилл.

— Броня, — донёсся сзади голос Хилл, лёгкий, как дыхание. — Наследница Великой Хранительницы.

Звезда заметила, что в голосе Хилл что-то дрожит.

Не страх, не гнев. Что-то более глубокое, похожее на магму, зажатую под толщей породы — что-то горящее.

Броня остановилась посреди улицы.

Её конвоир — или сопровождающий — что-то сказал ей на ухо. Она слегка кивнула, выражение лица не изменилось.

Но Звезда заметила — в те полсекунды, когда камера отвернулась, когда никто не смотрел, — Броня подняла правую руку, и её пальцы коснулись значка на груди.

Это был маленький, до блеска отполированный металлический значок, по форме напоминающий упрощённую звезду — или абстрактную бабочку.

Большой палец провёл по поверхности значка. Движение было лёгким, словно прикосновение к чему-то хрупкому, к глубоко похороненному воспоминанию, к имени, которое никогда не было произнесено вслух.

А потом камера снова повернулась к ним.

Рука Брони опустилась, выражение лица вернулось к безупречной, неуязвимой маске наследницы.

Она продолжила идти вперёд, шаги были точны, расстояние между ними одинаково — словно запрограммированный механизм.

Звезда не знала, что означал тот значок.

Но кое-что знала бейсбольная бита.

Ледяной Кристалл на поясе бешено пульсировал, словно сердце, внезапно ускорившее ритм.

Звезда закрыла глаза и «почувствовала» нечто далёкое, подавленное, словно доносящееся из-под толстого слоя льда —

Тоску.

Не свою. Позаимствованную, резонирующую. Ту, что бита уловила в прикосновении Брони к значку, в дрожащем голосе Хилл, в двух одинаковых по цвету лентах и значках, — «тепловой остаток эмоций».

Далёкая тоска.

Как письмо, которое никогда не отправили. Как песня, которую никогда не допели. Как стена, которую бабочка пыталась перелететь, но так и не долетела.

— Она... — начала Звезда, не зная, что спросить.

— Ушла, — голос Хилл снова стал холодным. — Каждый день в это время она идёт в Форт Клипот. Маршрут фиксированный, охрана плотная.

— Вы... знакомы?

Синее пятно Хилл ярко вспыхнуло в воздухе, словно поверхность озера, в которую бросили камень.

Она не ответила. Развернулась и быстро зашагала вглубь туннеля — так быстро, словно убегала от чего-то.

Звезда в последний раз взглянула на Верхний район сквозь решётку.

Силуэт Брони уже исчез в конце улицы, но та «далёкая тоска» всё ещё висела в воздухе — как шлейф от духов после того, как их обладательница ушла. Как тепло от догоревшего пламени.

Она догнала Хилл. Бейсбольная бита на поясе продолжала нагреваться, сияние Ледяного Кристалла то появлялось, то исчезало в темноте.

Вернувшись на базу, Звезду проводили во «временную рабочую».

Там была Пела.

Звезда узнала её — из проекции данных Вальта, из информационной сети Верхнего района.

Пела была офицером разведки Среброгривых Стражей и «подругой» Брони — в контексте Верхнего района это слово имело оттенок какой-то отслеживаемости, какой-то стерилизованности.

Но сейчас Пела была одета в грубую одежду «Дикого Огня», волосы растрёпаны, влажные от пота.

На терминале перед ней катились потоки данных, словно низвергающийся водопад.

— ...Уровень «тёмной материи» у женщин Нижнего района в три раза выше, чем в Верхнем, — голос Пелы доносился из рабочих. Звезда остановилась у двери. — Причина неясна. Но шаблон данных показывает, что индекс положительно коррелирует с «социальной плотностью» — чем выше концентрация женщин, тем выше концентрация тёмной материи.

— Что такое тёмная материя? — спросил другой голос — Олега.

— Неизвестная частица, — сказала Пела. — Термин господина Вальта. Она не взаимодействует с обычной материей, но влияет на... эмоциональное состояние. Делает узы глубже, одиночество — больнее, защиту — сильнее.

Звезда прислонилась к косяку двери. Бейсбольная бита в руке слегка нагревалась.

Она контролировала дыхание, позволяя волнам расходиться от биты, проникать сквозь дверь —

Цвет Пелы.

Серебристо-белый.

Не холодный серебристо-белый. Какой-то подавленный, похожий на пламя, запертое в сейфе.

Её цвет говорил: «Я знаю слишком много, говорю слишком мало, жду разрешения, которое никогда не наступит».

— Индекс в Верхнем районе низкий, — продолжала Пела, — не потому, что тёмной материи мало, а потому, что... её разбавляют. Рассеивают, «управляют». Политика Великой Хранительницы Коколии...

— Коколия подавляет её, — перебил Олег. — Как и Нижний район.

— Нет, — голос Пелы понизился. — Она... использует её. Концентрация тёмной материи в Форте Клипот — самая высокая во всём городе, но она сосредоточена только в определённых зонах, вокруг определённых людей.

Сердце Звезды забилось быстрее.

Она вспомнила, как Броня коснулась значка, вспомнила резонанс той «далёкой тоски».

Коколия использует тёмную материю? Использует узы? Использует... защиту?

— Звезда.

Голос Хилл раздался за спиной.

Звезда резко обернулась. Волны от биты не успели схлынуть и столкнулись с синим пятном Хилл —

Мгновенное «видение».

Цвет Хилл в этой вспышке выдал её тайну — тот самый значок, спрятанный под одеждой, был парой к тому, что висела на груди у Брони.

Два крыла одной бабочки. По отдельности — просто металл. Сложенные вместе — единое целое.

— Ты... — глаза Хилл чуть расширились.

— Я ничего не видела, — сказала Звезда, но в голосе не было убедительности.

Уголок губ Хилл дёрнулся, словно задетый, ещё не затянувшийся порез.

Она не стала уточнять. Только посторонилась, освобождая проход:

— Наташа тебя зовёт. В лазарет.

В лазарете Наташа перебирала лекарства.

Движения были точными и неторопливыми — как отлаженный ритуал.

Но Звезда заметила: на манжете её халата — свежие бурые пятна. Не трёхдневной давности. Новые, словно только что после операции.

— Садись, — сказала Наташа, не поднимая головы. — Мне нужно снова проверить твою «температуру».

Звезда села на край операционного стола, положив биту на колени.

Пальцы Наташи коснулись её запястья. Прикосновение было тёплым и сухим, но Звезда «почувствовала» — тёмно-фиолетовый цвет стал гуще, чем три дня назад. Как будто сумерки сгущались, как будто что-то подавленное приближалось к критической точке.

— Сердцебиение учащённое, — сказала Наташа. — Что ты видела?

— Верхний район, — честно ответила Звезда. — Броня. Тёмная материя. И ещё...

Она на мгновение замялась, затем достала из кармана нечто — то, что «сконденсировалось» из воздуха в туннеле, когда её волны столкнулись с синим пятном Хилл.

Прозрачная, похожая на кристалл пластинка, внутри которой застыла бледно-голубая нить света.

— Что это? — Наташа взяла пластинку, и в её лице впервые появилось выражение.

— Ископаемое эмоций, — сказала Звезда. — Я думаю. Собранное... с чьего-то... с того, что выпало из кого-то.

Тёмно-фиолетовый цвет Наташи яростно всколыхнулся, словно озеро, в которое бросили камень.

Её пальцы бессознательно потянулись к груди — туда, где под одеждой угадывался похожий контур, такой же, как у Хилл, как у Брони.

— Линкс, — вдруг сказала Наташа. — Исследовательница. У неё есть... некоторые записи. Тебе, возможно, стоит их посмотреть.

«Путевые заметки» Линкс хранились в самом сердце базы, в сейфе, замаскированном под кучу хлама.

Звезда с молчаливого разрешения Наташи открыла их.

Не электронный носитель. Рукописный текст, записанный на синтетической бумаге водостойкими чернилами.

Почерк был небрежным — словно автор писал на ходу, — но содержание поражало ясностью:

«У ветра в Белобогe есть сладковатый привкус, особенно рядом с девушками».

«Ветер в Верхнем районе горький, словно отфильтрованный, пропускающий только определённые эмоции».

«Ветер в Нижнем районе — крепкий, как догорающая в топке «Дикого Огня» тоска, у которой нет имени».

«Но ветер всегда дует снизу вверх, из горячего в холодное, из полного в пустое».

«Тёмная материя — носитель ветра. Узы — его направление».

«Бабочка может перелететь через стену, потому что стена — не преграда, а указатель пути для ветра».

Пальцы Звезды замерли на последней строке.

На периферии зрения пронесли символы, словно впрыснутые какой-то незримой силой:

«Грядёт концепция тьмы»

«Белобог изобилует алюминием и медью»

«Впереди высокая энергия»

Она тряхнула головой. Символы исчезли.

Но слово «алюминий и медь»... Она не знала его полного значения, но какая-то интуиция подсказывала ей, что оно связано с «узами», с «защитой», с теми подавленными, безымянными, но усиливающимися под воздействием тёмной материи чувствами.

— «Белобог изобилует...» — бессознательно прочитала она вслух отрывок.

— Что? — раздался голос Линкс за спиной.

Исследовательница оказалась моложе и меньше, чем представляла Звезда. Похожая на тростинку, согнутую ветром.

За стёклами очков горел какой-то фанатичный, почти одержимый интерес.

— Ничего, — Звезда закрыла заметки. — Ты записываешь ветер?

— Я записываю всё, — сказала Линкс. — Ветер, тёмную материю, узы, и ещё... — она запнулась, уголки её губ изогнулись в многозначительную улыбку. — И химические реакции между девушками. Наташа называет это «аномалией социальной структуры», Олег — «одиночеством подземелья», а я говорю...

— Что?

— Это дыхание Белобога, — Линкс поправила очки. — Этот город дышит. Каждый вдох — это разлука. Каждый выдох — это сближение. А тёмная материя... это его лёгочные альвеолы.

Звезда вспомнила данные Вальта, анализ Пелы, вспомнила тёмно-фиолетовый цвет Наташи, оранжево-красный — Олега, ледяной синий — Хилл.

Три цвета. Три температуры. Три огня, подавленные подземельем, но так и не погасшие.

А серебристо-белый Брони — она ещё не «измерила» его, но та «далёкая тоска» уже проросла в её сознании, как семя.

— Тёмная материя, — сказала Звезда. — Катализирует узы?

— Нет, — покачала головой Линкс. — Проявляет узы. Катализ — это ускорение уже имеющейся реакции. Проявление — это делать скрытое видимым. Узы Белобога...

Её взгляд устремился вглубь базы, в сторону, куда Звезда ещё не заглядывала.

«...существовали всегда. Просто их заслоняла стена. Стена между Верхним и Нижним районом,

«порядок» Коколии, и ещё...»

— Что?

— «...руки, которые боятся прикоснуться», — сказала Линкс, голос стал тихим, словно она говорила сама с собой. — «Слова, которые боятся произнести. То, что боятся признать...»

Она не договорила.

Потому что в дверях появился силуэт Хилл. Синее пятно в воздухе натянулось, как флаг.

— Наташа вас зовёт, — сказала Хилл, избегая взгляда Звезды. — Есть задание.

Звезда закрыла заметки. Бейсбольная бита в руке слегка нагревалась.

Пульс Ледяного Кристалла резонировал с окружающей средой подземелья, словно сердце, которое только учится биться.

Она пошла за Хилл вглубь базы. В её сознании упрямо застряло слово «алюминий и медь», как посаженное семя, как письмо, которое ещё не отправили, как стена, которую бабочка ещё не перелетела.

В каком-то недостижимом измерении начали вырисовываться новые символы:

****«Глава 9. Конец»****

****«Глава 10. Достижение разблокировано: Пазл тёмной материи»****

****«Анонс следующей главы: Временный внештатный член Квантовой женской группы»****

Звезда моргнула.

Символы исчезли.

Но она знала: что-то её пишет.

Не Хэйта. Не Наташа. Не кто-то из известных ей существ.

Что-то более далёкое, более насмешливое, более «ликующее».

И в этот раз она улыбнулась спине уходящей Хилл — так, как улыбаются тому, кто только учится признавать свои узы:

— «Ветер, действительно, становится слаще».

Шаги Хилл едва заметно замедлились.

Но она не обернулась.

Жар из глубины топки базы разливался в воздухе, словно нечто дышащее, нечто жаждущее, нечто, у чего пока нет имени.

<http://bllate.org/book/19707/1938011>